

Последняя
подпись
автор Кира Си

18+

Кира Си

Последняя подпись

<https://litres.ru/74677733>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бумаги можно разорвать. Желание — нет.

Алина уезжает, оставив оба договора неподписанными. Марк находит её не как владелец сети, а как человек, которому больше нечего предложить, кроме правды. Между ними больше нет ночи по контракту — только выбор, который придётся сделать вслух.

Крайнов давит сроком. Вивьен готова опубликовать компромат. Совет директоров требует чистую сделку и чужую невесту. Чтобы остаться собой, Алине нужно подписать не продажу, а свои условия. Чтобы остаться с ней, Марку придётся потерять власть, которую он считал единственной защитой.

«Последняя подпись» — финал цикла о договоре, который заканчивается, и любви, которая начинается без пункта о сроке.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кира Си

Последняя подпись

Глава 1

Пустой цех

Цех был не её. Чужой город, чужой двор, железная дверь, которую подруга открывала локтем, потому что руки были в глине. Алина приехала с одной сумкой и с двумя неподписанными договорами, которые не взяла с собой. Они остались на её столе, в той квартире, куда она не собиралась возвращаться, пока бумага не перестанет казаться ртом.

Здесь не резали стекло. Здесь сушили чашки. Подруга сказала: живи, пока не решишь, город ты или нет. Не спрашивала про Марка. Один раз спросила про подпись, увидела лицо и больше не спрашивала. Алина спала на раскладушке за стеллажом. Днём мыла пол, который не был её полом. Это помогало ровно настолько, насколько помогает чужая работа: тело устаёт раньше, чем имя.

Эскиз она не прятала. Оставила в старой мастерской, на столе, под линейкой. Не письмо. Не адрес. Лист с линией крыши, которую она так и не дорезала, и в углу, мелко, название городка. Не для него. Для себя, чтобы помнить, куда уехала, если память решит стать удобной. Она думала, что

бумага не умеет ходить. Бумага умеет.

Он приехал без охраны. Это она поняла по шагам во дворе: один человек, не два, и никто не остался у калитки. Подруга была на рынке. Цех пустой. Печь холодная. Алина стояла у двери и не открывала, пока стук не стал тише, не громче.

— Это я, — сказал он. — Не через контур. Через лист, который ты не забрала. Если это было не для меня, скажи. Я уеду тем же днём. Порог не переступлю, пока не позовёшь. Если не позовёшь, не переступлю вообще.

Она открыла на ширину цепочки, которой здесь не было. Дверь просто не распахнула. Он увидел её лицо и край чужого цеха: стеллажи, глина, раскладушка, не её жизнь и всё-таки она.

Марк был без пальто, которое имело смысл в этом городе. Руки пустые. Ни конверта, ни последней страницы, ни человека на лестнице. Под глазами то, что не покупается сметой. Она не стала жалеть. Жалость тоже бывает жестом.

— Эскиз не был приглашением, — сказала она. — Название городка я написала, чтобы не забыть сама. Ты прочитал чужую память и приехал. Это снова почерк: найти, потому что умеешь. Не потому что звали.

— Умею, — сказал он. — И приехал не умением. Охрана не знает этого двора. Крайнов не знает. Вивьен не знает. Я не отдал им лист. Если бы отдал, здесь уже стоял бы не я. Я приехал спросить одну вещь и услышать отказ, если отказ.

Не с порога в комнату. С порога в слово.

— Спрашивай с порога. Дальше глины ты не войдёшь. Это не дом. Это место, где меня нет в твоих бумагах. Я так и хочу, чтобы сегодня меня не было дальше двери.

Он кивнул. Не шагнул. Дождя не было. Пол за её спиной был сухой и чужой, и она не собиралась отдавать ему даже лужу.

— Последняя страница, — сказал он. — Ты уехала, потому что не поверила. Я не привёз её. Не привёз чистую. Не привёз порванную. Привёз то, что могу сказать стоя, без права войти. Подпись на том листе не твоя воля. И не моя. Юристы собрали черновик так, чтобы он выглядел уже свершившимся. Я не ставил руки. Не просил поставить твою. Клятва в той прихожей была слабой, ты права. Клятва слабая, когда её приносят в дом, где уже лежит улика. Здесь улики нет. Есть только я и дверь, которую ты держишь.

— Здесь есть я, которая видела свою подпись, — сказала Алина. — Чёткую. Как в день, когда я ещё верила, что подпись значит отказ, а не передачу. Ты говоришь «не моя воля». Я слышала это про ключ, про рубашку, про паузу на приеме. Каждый раз воля была не твоя, а след оставался моим. Бренд на той странице был мой. Имя, которое я резала сама. Если черновик умеет носить мою руку без меня, мне не нужен человек, который объясняет черновик красивее, чем я читаю.

— Я не прошу верить красиво, — сказал он. — Прошу не

подписывать то, чего не было, и не уезжать так, будто подпись уже случилась. Сделка горит. Не пакет. Пакет снят. Горит то, что осталось между нами без маски договора. Крайнов хочет, чтобы ты продала студию и исчезла из кадра. Вивьен хочет, чтобы кадр стал утром. Я хочу другого и не имею права хотеть с этого порога. Хочу, чтобы ты выбирала меня не строкой. Или разошлась со мной окончательно, не через город и не через лист под линейкой. Вслух. Здесь. Если окончательно, я не приеду по следующему эскизу. Это я могу обещать без бумаги. Бумаге ты не веришь. Поступку, может, поверишь потом. Не сегодня.

Она держала дверь. Костяшки побелели не от страха. От того, что тело помнило пол и имя, а гордость помнила последнюю страницу.

— Ты нашёл меня без охраны, — сказала она. — Это не нежность. Это умение читать угол листа. Я не пущу тебя дальше порога. Не потому, что цех святой. Потому что если ты войдёшь, разговор снова станет комнатой, а комната у нас слишком быстро становится подписью. Сегодня только порог. Ты сказал своё. Я не верю до конца. И не говорю «окончательно». Окончательно было бы легко. Легко они уже предлагали: цена дома, тишина, никогда. Я не купила никогда. Не куплю и твою клятву на чужом дворе.

— Тогда что ты оставляешь, — сказал он. Не вопрос. Почти.

— Оставляю тебя снаружи. Себя внутри. Оба договора

там, где я их бросила, неподписанными. Если сделка горит, пусть горит без моей руки. Если приедешь ещё раз через охрану, через Крайнова, через её телефон, это и будет окончательно, даже если я не скажу слова. Если приедешь снова один и снова останешься на пороге, я, может, спрошу, зачем тебе бренд, который ты клянёшься не брать. Не сегодня. Сегодня цех пустой, и я не твоя гостя в нём. Я просто живу у подруги, пока не пойму, город это или побег.

Марк не тронул дверь. Не попросил воды. Не поставил ладонь туда, где могла бы быть её рука.

— Я останусь в городе до утра, — сказал он. — Не у этого двора. Не под окном. В гостинице у станции, если она ещё сдаёт комнаты людям без контура. Утром уеду, если не позовёшь. Звать не обязанность. Молчание я прочитаю как порог, не как да. Эскиз верну. Не почтой. Положу в щель этой двери, когда буду уходить, чтобы он снова стал твоим, не следом.

— Не клади, — сказала она. — Сожги или вези обратно. Щель тоже бывает жестом. Я не хочу утром находить лист и думать, что ты отметил дом. Дом не мой. И не твой.

— Тогда сожгу у станции. Ты не увидишь. Этого достаточно, чтобы ты не читала дым как подпись.

Она кивнула. Мало. Он принял мало как всё, что сегодня можно унести.

— Алина.

Имя с порога, без зала и без паузы, которую снимают. Она

не ответила его именем. Если бы ответила, дверь стала бы тоньше.

— Уезжай утром, — сказала она. — Не потому, что окончательно. Потому что сегодня я не открываю дальше. Пустой цех не место, где выбирают друг друга. Здесь выбирают, не войти. Я выбрала. Иди.

Он постоял ещё вдох. Потом шаг назад. Двор снова стал чужим и правильным. Она закрыла дверь до щелчка и не смотрела в окно, пока шаги не вышли за калитку. Охраны за ним не было. Это не стало доказательством. Стало фактом, который она пока не подшивала ни к вере, ни к отказу.

Подруга вернулась с рынком и спросила, кто стоял у двери. Алина сказала: человек, которого не пустила. Подруга кивнула так, будто этого довольно для чужого города.

На столе в пустом цехе не было договора. Не было последней страницы. Был край глиняной миски и её руки, свободные от подписи.

Сделка где-то горела без них.

Здесь горел только день, который она не отдала ему дальше порога.

Глава 2

Откровение

Она пришла к станции сама. Не потому, что порог стал мягче. Потому что молчание до утра уже было бы ответом, а ответ она ещё не собрала. Гостиница сдавала комнаты. Коридор пах железом и чаем. Он открыл не сразу. Когда открыл, в руках не было ни бумаги, ни телефона. За спиной кровать, которую она не собиралась видеть дольше одного взгляда. Она осталась в двери. Он это понял и не попросил войти.

— Говори здесь, — сказала Алина. — Если опять начнёшь с клятвы, я уйду на глину и больше не спрошу. Мне нужна правда о найме. Не о ночи. О том, как я стала точкой в чужой схеме. Ночь я помню сама. Схему ты до сих пор носишь как чужую волю. Сегодня чужой воли не будет. Либо твоя, либо я не слушаю.

Марк опёрся плечом о косяк с той стороны. Расстояние осталось. Голос сел ниже, без зала.

— Долг нашли мои люди. Не Крайнов первым. Не аукционный дом. Мои. Мне нужно было стекло и имя, которое не продаётся в пакете, потому что пакет тогда ещё собирали вокруг пустоты. Твой дом всплыл как слабое место: мастерская, кредит, срок, который можно было сдвинуть, если знать, кому звонить. Я знал. Я велел найти. Не «спасти». Найти. Чтобы ты пришла туда, где бумага кажется един-

ственной дверью.

Она не отступила. Руки держала при себе.

— Дальше.

— Аукцион собрали вокруг твоего дома. Не вокруг искусства. Вокруг адреса. Лоты, сроки, люди в зале, которые должны были смотреть на тебя и видеть не цену чашки, а цену выхода. Крайнов вошёл позже и решил, что контур его. Вивьен вошла как картинка, которая умеет делать улику из тишины. Но первый круг был мой. Я поставил тебя в него. Это не черновик юристов. Это найм. Ты не подписывала согласие быть найденной. Тебя нашли. Я за это отвечаю. Не они.

В коридоре кто-то прошёл с ведром. Они замолчали, пока шаги не ушли. Алина смотрела не на его рот. На руки. Пустые. Это ничего не доказывало и всё же не было последней страницей.

— Ты купил не ночь, — сказала она. — Ты купил место, где я должна была стать удобной. Дом. Долг. Зал. Я резала при них, потому что думала, что режу своё. А резала в круге, который ты начертил до того, как я узнала твоё имя целиком.

— Да.

Слово было короткое. Она ждала оправдания и не получила его. От этого стало хуже и чище сразу.

— Ночь, — сказал он, и впервые за разговор голос дрогнул не в красоту, а в стыд. — Ночь я не планировал. В схеме не было постели. Было: долг, аукцион, подпись, бренд рядом

с контуром, ты в графе «стекло», я в графе «тот, кто не пачкает руки желанием». Желание не стояло в смете. Я пришёл смотреть, как ты держишь отказ. Должен был уйти, когда отказ стал дороже покупки. Не ушёл. Не потому, что схема велела остаться. Схема как раз велела не хотеть. Хотеть было дырой. Дыра случилась вопреки. Я захотел тебя не как лот. Как женщину, которая не отдаёт ключ даже когда пол уже знает её имя. Это не снимает найма. Найм был. Желание не было пунктом. Оно сломало пункт. И я позволил ему сломать, вместо того чтобы закрыть круг и оставить тебя с долгой дверью, но без моего тела в ней.

Алина молчала так долго, что внизу хлопнула входная дверь гостиницы. Утро ещё не наступило. Уже было поздно для незнания.

— Ты говоришь это, чтобы я простила ночь, — сказала она. — Потому что ночь «не по плану» звучит человечнее, чем аукцион вокруг дома. Я не делю. Дом был планом. Ночь была срывом. Оба мои. Оба на мне легли. Ты не имеешь права называть срыв чистотой. Срыв внутри схемы всё равно схема, если ты не вышел из неё до того, как коснулся.

— Не называю чистотой, — сказал Марк. — Называю правдой, которую ты требовала с порога цеха. Люди мои. Долг мой приказ. Аукцион мой круг, даже если потом его подхватили другие руки. Ночь не заказывали. Я захотел. Вопреки. И после этого продолжал играть так, будто желание можно спрятать в договор. В этом вторая вина. Не в том, что

захотел. В том, что не сказал «схема кончилась», когда она кончилась у меня в крови. Я тащил маску договора поверх того, что уже не было сделкой. Ты это читала раньше меня. Последняя страница, пауза на приёме, ключ, который ты не вернула. Всё это я пытался уложить в бумагу. Бумага не держит желание. Она только пачкает его чужой подписью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.